

УДК 81'282.3
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48
EDN CISRVH

<https://elibrary.ru/cisrvh>

Мифологическая и магическая лексика в русских говорах Симбирского Поволжья

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
janinam@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является описание и анализ мифологической и магической лексики в русских говорах Симбирского Поволжья. Материалом работы послужили записи рассказов информантов из различных районов Ульяновской области, собранные автором и опубликованные исследователями-фольклористами. Отобранные лексемы были разделены на следующие тематические группы: наименования мифологических персонажей, наименования людей со сверхъестественными свойствами, глаголы с семантикой применения сакральных знаний и сверхъестественных способностей, глаголы со значением магического превращения, наименования результатов магического воздействия и состояний, излечиваемых таким воздействием, наименования каналов магического воздействия. При анализе лексики в составе каждой из групп применяется этнолингвистический подход, исследуются функциональный, ареальный и этимологический аспекты. Наиболее объемные группы – наименования мифологических персонажей и наименования людей со сверхъестественными свойствами – отражают наличие в Симбирском Поволжье локальных и региональных особенностей функционирования и этнокультурного наполнения этих групп слов, а также взаимодействие с автохтонными языками (*баня-ведун*), лексические заимствования (*витница*, *бабай*). В различных подгруппах зафиксированы лексемы регионального распространения (*бабай*, *татарин*, *буканка*) и локального характера (*бабоськи*, *чиганашки*, *самошка*, *оратый*). Диалектная лексема *домоведушка* является региональным маркером для домового, а использование форм с суффиксами *-ушк/-юшк-* (*дедушко-домовеюшко*) объединяет Среднее Поволжье с более обширным северо-восточным ареалом. Отмечены также региональные наименования существ демонического характера с корнем *шут-* (*шутовка*, *шутушка*).

Ключевые слова: тематическая группа лексики; мифологическая лексика; магическая лексика; русские говоры; диалектная лексика; этнолингвистика.

Для цитирования

Мызникова Я. В. Мифологическая и магическая лексика в русских говорах Симбирского Поволжья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48. EDN CISRVH

Mythological and Magical Vocabulary in the Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region

Yanina V. Myznikova

Saint Petersburg State University
janinam@mail.ru

Abstract. The study aims to describe and analyze mythological and magical vocabulary in the Russian dialects of the Simbirsk Volga region. The material for this work was collected by the author from recordings of stories told by informants from various villages of the Ulyanovsk region as well as from data published by folklorists. The selected lexemes were divided into the following thematic groups: names of mythological characters, names of people with supernatural properties, verbs with the semantics of the use of sacred knowledge and supernatural abilities, verbs with the meaning of magical transformation, names of the results of magical influence and diseases cured through such influence, names of channels of magical influence. When analyzing the vocabulary within each group, the author applied the ethnolinguistic approach and studied the functional, areal, and etymological aspects. The largest groups are the names of mythological characters and the designations of people with supernatural powers. The study reveals the local and regional traditions of the functioning and ethnocultural “filling” of these lexical groups in the Simbirsk Volga region as well as interaction with autochthonous languages (*banya-vedun*), lexical borrowings (*vitnitsa*, *babay*). Various subgroups contain regionally distributed lexemes (*babai*, *tatarin*, *bukanka*) and locally specific ones (*babos'ki*, *chiganashki*, *samoshka*, *oraty*). The study describes lexemes that may be considered as regional markers for the mythological character of the master of the house (*domovedushka*) and that unite the Middle Volga region with the wider northeastern area. The study also notes regional names of demonic creatures with the root *shut-* (*shutovka*, *shushka*). Within the group of names of people with supernatural abilities, there are distinguished the names of those who use their knowledge to harm others and the designations of people who use their knowledge for healing.

Keywords: thematic group of vocabulary; mythological vocabulary; magical vocabulary; Russian dialects; dialectal vocabulary; ethnolinguistics

For citation

Myznikova Ya. V. Mythological and Magical Vocabulary in the Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48. EDN CISRVH (In Russ.)

Введение

Исследования этнологов, фольклористов, лингвистов свидетельствуют об устойчивой сохранности веры людей в потустороннее, в силу колдовства, в методы народного целительства, что находит отражение в фактах языка. Хотя формы этих верований претерпевают определенные трансформации, полевые материалы демонстрируют ограниченное влияние образовательных и религиозных факторов на изучаемые стороны духовной жизни диалектоносителей. Вера в колдовство и магию, как показывают исследования ученых, является культурной универсалией [Христофорова 2010: 45] и находит свое отражение в лексической сфере языка.

Изучение мифологии, как части духовной культуры народа, представляет собой междисциплинарную задачу, над решением которой работают историки, этнографы, антропологи, фольклористы [Дынин 2012; Христофорова 2010; Виноградова 2000] и, конечно, лингвисты, ведь формой ее (мифологии) существования является текст. Мифологическая и магическая лексика, функционирующая в рамках мифологических текстов, неоднократно подвергалась исследованиям в трудах по этнолингвистике. Монография О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» (1983) посвящена изучению

тематической группы наименований мифологических персонажей в системе народных верований с XVIII до XX в. Автор исследования вскрывает глубинную семантику ряда мифологем, рассматривает этимологические гипотезы, описывает трансформацию изучаемой лексической группы в новых исторических условиях [Черепанова 1983]. В своей докторской диссертации И. И. Руסיнова детально описывает лексику колдовства, знахарства, функционирующую в русских мифологических текстах, как особую идеографическую сферу [Руסיнова 2022]. Е. Е. Левкиевская в диссертационном исследовании «Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика» рассматривает восточнославянский мифологический текст как совокупность представлений о мифологических персонажах и мифологических функциях, являющих собой основные тематические и структурные элементы мифологической системы [Левкиевская 2007].

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2024 г. в ходе экспедиций в ряде населенных пунктов Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Инзенского, Карсунского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также фрагменты диалектной речи из коллективной монографии

«Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (2012). Помимо выявления ареальных и мотивационных особенностей диалектной мифологической и магической лексики, в исследовании применяется комплексный подход с привлечением этнокультурных данных и этимологических сведений в отношении некоторых лексем. В связи с полевым характером материала актуальным представляется функциональный подход к описанию особенностей ряда слов.

Отметим, что в наших материалах наиболее возрастная группа информантов оказалась 1930-х гг. рождения. Несмотря на сохранение в народной среде веры в колдовство и магию, в настоящее время многие мифологические представления практически ушли из народной жизни. Лексика, которую удалось собрать, представляет собой «осколки» прежних тематических групп мифологической и магической лексики, которая молодым людям уже практически не известна или едва знакома по рассказам родственников преклонного возраста. Рассмотрим основные подгруппы исследуемой тематической группы.

Наименования мифологических персонажей

1. Персонажи-устрашители. Большая часть наименований мифических и полумифических существ в рассказах сельских информантов используется для воспитания (предостережения, запугивания) маленьких детей с целью предохранить их от совершения опасных действий (уйти без сопровождения старших на речку, в лес, в баню и т. д.), приводящих к жизнеугрожающим последствиям. По словам О. А. Черепановой, персонажи устрашения обладают основными признаками мифологичности, хотя и с некоторыми ограничениями: если даже они генетически реальны, «то в узусе их реальный характер или забыт, или неясен на данной территории, в данной социальной группе» [Черепанова 1983: 45]. В числе таких наименований зафиксированы следующие:

– **бабай** (*Бабака фсе нас бабаим пугала. Крестово-Городище Чердаклин.*), лексема в значении ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ зафиксирована в (СРНГ 2: 15) с территориальными пометами Том., Свердлов., Иссyk-Куль; *бабай* – слово тюркского происхождения: татар. *бабай* – обращение к дедушке, деду, старику (ТРС 1: 181); также используется общеупотребительная лексема **бабайка** (*Вот бабайка придёт и уташишит тебя. Рязаново Мелекес.*);

– **самошка** ‘мифическое существо, которым пугают детей’ (*Самошкой вот нас пугали, если*

не слушалис’. Красная Река Старомайн.), зафиксировано в с. Красная Река, вероятно, по своему происхождению связано с именем *Самул* (уменьшит. *Самошка*), локальная лексема (нет в СРНГ);

– **татарин** (то же): *Тиха, татарин идёт, вон стучит в окошка*. Красная Река Старомайн.); представители иных этнических и особенно профессиональных групп, проживавшие в сельском социуме, осознавались как чужие, а следовательно, опасные, способные причинить вред; как указывает И. И. Русинова, иноэтничные представители (в частности, татары) воспринимались как «знающие», способные причинить вред колдовством или излечить сверхъестественным способом [Русинова 2022: 166];

– **букан** (то же): *Как-та страшными буканами нарижалис’, маски на лицо-та наденут из кудели. Борады такя ис канпли-ти. Адни глаза астанут, яво и ни разбираеш, эта чей, какой*. Проломиха Инзен. (ТКУП 2: 105), в СРНГ в значении ‘сказочное страшилище, которым обычно пугают детей; бука’ с пометами Влад. и Твер., также Сиб. (СРНГ 3: 262); также **буканка** (*Там бани вон пазади двароф-та: «В бани, – гаварят, – буканки сидят, вас забярут!»*) Первомайское Инзен. (ТКУП 2: 420)), в СРНГ приводится в значении ‘фантастическое существо, живущее в доме; домовый’ с пометами Калуж., Перм. (СРНГ 3: 262);

– **бабоськи** ‘бесы’ (*Бабос’ки – эта мелкие пакостные существа, как и чиганашки*. Барановка Николаев.), локальная лексема;

– **чиганашка** – обычно мн. ‘бесы’ (*Патамушта бегают чиганашки, эта нечистые духи, ани бегают везде*. Барановка Николаев.), часто упоминаются в связи с запретом мыться в бане после двенадцати ночи (подробнее см. в следующем пункте).

Таким образом, в данной группе имеются как общеупотребительные и интердиалектные наименования мифических существ (*бабайка, букан*), так и лексемы регионального распространения (*бабай, татарин, буканка*) и локального характера (*бабоськи, чиганашки, самошка*).

2. Другая группа наименований мифологических существ, связанных с низшей мифологией, функционирует в рамках нарративов (быличек) или поверий и запретов. Чаще всего встречаются наименования домового, русалки и беса в образе умершего (*летун*).

Домовой относится к персонажам низшей мифологии – «хозяевам», обитающим «в доме» в широком смысле слова [Черепанова 1983: 22]. Основная функция домового – охрана домашнего очага. Проанализировав полевые материалы по Ульяновскому Присурью, а также данные фоль-

клорных исследований по сопредельным регионам [Мифологические рассказы и поверья... 2007; Дынин 2004; Власова 1998], авторы монографии «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приходят к выводу о преобладании в регионе таких номинаций домового, как *дедушка*, а также *домоведушка* с вариантами *домови-душка*, *домовитушко* (ТКУП 1: 117). По данным СРНГ, наименования *домоведушка* и *домови-душка* фиксировались еще в XIX в. в Сызранском уезде Самарской, затем Симбирской губернии (СРНГ 8: 119). «Это позволяет предположить, что слово «домоведушка» является региональным маркером для данного персонажа» (ТКУП 1: 117). Наименование *дедушка* зафиксировано и в наших полевых материалах в Симбирском Заволжье: *До синякоф, вот у меня был, знаш как зажмёт, начнёт кавырят'-ть. Нада ставит' еду: «Дедушка, можэт, ты один, тебе плоха, айда с нами жьт'»*. Большая Кандаля Старомайн. В некоторых селах домового называют *хозяин*: *Эта хозяин, домовый. <...> Манин'кый такой, волысы на нём вот так, длинны вроди волысы на нём*. Вальдиватское Карсун. (там же: 357).

Согласно данным Е. Е. Левкиевской, по типу наименований домового Симбирское Поволжье является частью ареала восточных территорий Русского Севера (включая Каргопольский р-н Архангельской обл.) и Средней Волги, «где наряду с нейтральными обозначениями персонажа типа *домовой* распространены диминутивы с суффиксами *-ушк-/-юшк-* (к примеру, *дедушко-домовеюшко*)» [Левкиевская 2007: 28]. О. А. Черепанова пишет: «Слово, *дедушка* используется как табуистическое именование домового, оно обязательно в комплиментарных обращениях к домовому и дворовому, а к женскому персонажу – *бабушка, матушка*» [Мифологические рассказы и легенды... 1996: 77]. Домашние пенаты онтологически предстают как души умерших, предки, которые не покидают своего очага, участвуют в жизни потомков, предопределяют их судьбу, нередко помогают им [там же].

В ряде областей Поволжья (Владимирская, Нижегородская, Ярославская, Пензенская) домового называли *шут*. В Симбирском Поволжье, в частности в Ульяновском Присурье, встречается наименование *шутушка* (в селах Большое Шуватово и Валгуссы): *Любк, эта у вас шутушка! Кто-нибуть жьл – ни взял*. Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 362). «Слово «шут» в данном регионе чаще всего обозначает принадлежность к сфере демонического, что позволяет предположить причисление домового к вредоносным персонажам» (там же: 118). Однако в речи в обращениях к домовому такое наименование обычно смягча-

ется уменьшительным суффиксом *-ушк-* и сочетанием с другими уменьшительно-ласкательными формами: *Шутушка-батюшка, айда с нами ужинам'!* Большое Шуватово Инзен. (там же: 363); *«Шутушка-дамавитушка, я ухажу вот в новый дом, айда са мной!» Пригаваривали и фсё*. Валгуссы Инзен. (ТКУП 2: 170).

По сделанным записям, домовый чаще всего положительно реагирует на доброжелательное отношение, поэтому обращения к домовому обычно представляют собой имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*-ушк-*, *-еньк-*), сложные слова, включающие корни с положительной оценкой (*добро-*), словосочетания и сочетания с приложением и с главным словом *дедушка* и *шутушка*: *дедушка-доброхотушка, добродедушка, шутушка-батюшка, шутушка-домовитушка, дедушка-домовой, дедушка-домовитенький, дедушка-домоведушка*. Наблюдается широкое варьирование эпитетов в составе двойных наименований домового: *домовитушка // домовидушка // домоведушка*, сближая данное определение домового с корнями *вид(еть)* и *вед(ать)*, что соответствует основным функциям домового. По словам Л. Н. Виноградовой, связь домового с домом не ограничивается его соотнесенностью с определенным локусом, это опекун всего хозяйства, «в определённом смысле хозяин и глава всей семьи, живущей в доме» [Виноградова 2000: 271]. В рассказах о переселении в новый дом часто используются эпитеты *доброходушка // доброхотушка*: *Дедушка-дабраходушка, пайдём с нами! Сухой Карсун Карсун*. (ТКУП 1: 363); *Дедушка-доброхотушка, айда к нам жьт'!* Ждамирово Сур. (ТКУП 2: 172). Возможно, во внутренней форме этих приложений актуализируются значения словосочетаний *добра хотеть* и *с добром ходить*, существует поверье о необходимости забрать своего домового в новый дом: *Чай гаварят, дамавой какой-та жьвёт ф каждым даму, ф каждым, слыш, даму должын он жьт', а если ни будит жьт' — дома ни будит, сгарит или чаво*. Ждамирово Сур. (ТКУП 1: 365).

М. А. Гранова анализирует материалы пермских говоров и показывает, что ритуальные формулы-обращения к духу дома имеют контакто-устанавливающую и защитную, апотропейную функцию. При этом вербальными средствами для задабривания демонов могут являться термины родства, «через использование которых человек пытается “побрататься” с духами и таким образом избежать возможного вредоносного воздействия с их стороны, и ласкательные суффиксы, которые часто имеются одновременно и в структуре стержневого слова, и в структуре приложения» [Гранова 2020: 187].

Из наименований других низших мифологических существ, живущих в одном пространстве с человеком, в селах Николаевского района было зафиксировано название демонологического персонажа, живущего в бане, – *баня-ведун*: *Каторый в бане жыл, ево звали баня-ведун, эта дух, каторый жывёт в бане*. Барановка Николаев.; *Помер вет' мужык в бане, запарили ево, вот эхтат самый баня-ведун*. Барановка Николаев. Данная лексема отражает влияние мордовского субстрата в сёлах Николаевского р-на, так как представляет собой композит, первая часть которого определяет вторую часть, такого рода сложение основ с выражением определительных или конкретизирующих отношений является характерной чертой мордовской грамматики [Евсеев 1931: 29], ср. мордовские наименования мифологических существ: морд. *банява* (*баня* + *ава*) ‘божество – покровительница бани’, *авинава* (*авин* + *ава*) ‘божество – покровительница овина’ [Девяткина 2007: 311].

Из низших мифологических существ, обитающих вне дома, важным персонажем в Симбирском Поволжье является русалка. Н. Ю. Трушкина, по экспедиционным материалам из Ульяновской области 1970–1990-х гг., описывает несколько женских демонологических персонажей, которые характеризуются сходными функциями, внешним обликом, статусом, генезисом, локализацией и общностью сюжетных схем и мотивов: *русалка*, *шутовка*, *шиишига*, *чеганашики/жиганашики* (обычно только во множественном числе), *беломойка* [Трушкина 2003: 45]. В проанализированных нами диалектных записях говорится о встречах с русалками у водоема: ночью они купаются, сидят на берегу, на камне, на дереве и расчесывают волосы. Когда стемнеет, их можно встретить в бане. В Симбирском Поволжье используются такие наименования русалок, которые соотносят их с бесами, нечистыми духами, например, *чиганашка* ‘русалка, мифическое существо’: *Айдати, а то чиганашка выйдит, и вас захватит, и утащит в речку!* Потьма Карсун. (ТКУП 2: 457); *Да эта адно и то жы — што чиганашка, што русалка*. Потьма Карсун. (там же: 450). Упоминание о *чиганашках* часто связано с запретом мыться в бане после двенадцати часов ночи, так как они могут запарить или защекотать до смерти. Как пишет Н. А. Криничная, использование бани «сопряжено с определенной регламентацией, нарушение которой чревато для посетителей незамедлительным наказанием» [Криничная 2004: 50]. Днем же мифические существа встречаются редко, они сходятся вместе на берегах рек, озер. В Симбирском Поволжье лексема *чиганашики* также употребляется в значении ‘бесы’.

Лексема *чиганашка* отмечена в русских говорах Республики Мордовия в значении ‘мифическое существо’, а форма множественного числа – в значении ‘дети, ребята’ (СРГМ 2: 1474). При этом в русских говорах Мордовии зафиксировано целое гнездо с корнем *шигán* ‘цыган’: *шигáна* ‘злая, сварливая женщина’, *шиганáшка* ‘ведьма’, *шиганáшки* ‘дети, ребята’ (также используется как бранное слово). Для обозначения детей в русских говорах Мордовии есть еще один вариант наименования – *шигайтáшки* (также используется в качестве ругательного слова) (там же: 1517). Возможно, источником лексемы *чиганашки* в значении ‘бесенята’ послужили слова *чиганашики* (*шиганашики*, *шигайтáшки*) в значении ‘дети, ребята’ (из ‘цыганята’). Полевые данные свидетельствуют о том, что *чиганашки* появляются только в одном локусе – в бане, где они пугают, щекочут, запаривают [Трушкина 2003: 45–46].

Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» допускают, что название «чиганашка» происходит от диалектного «чигán» ‘цыган’ (ТКУП 1: 119). Действительно, лексемы *чиган* ‘цыган’, *чиганка* ‘цыганка’, *чиганить* ‘попрошайничать, выпрашивать’, *очиганить* ‘обмануть’ имеют многочисленные фиксации в русских говорах, например, в вологодских (Кондаков 2022: 82, 137, 192, 207, 237 и др.; Мишнев 2013: 49, 167, 204 и др.) и в других говорах, характеризующихся цоканьем. Как было сказано выше, представители иных этнических и конфессиональных групп в закрытом сельском социуме воспринимались как потенциально опасные. По словам Н. А. Криничной, для наименования ведьм, колдунов, знахарей используются и определенные этнонимы, в южнорусской мифологической традиции это «татарин», в общерусской традиции – «цыган» [Криничная 2004: 390–391]. «Как и всем чужакам, цыганам приписывались контакты с нечистой силой и потусторонним миром» [Белова 2012: 495]. Исследуя магическую лексику Пермского края, И. И. Русинова пишет: «Не является неожиданным среди единиц, называющих людей, которым приписываются магические возможности, появление слов *цыган*, *цыганка*» [Русинова 2022: 167].

В похожих контекстах используется и слово *шиишига*. (ТКУП 2: 611). Во Владимирской области и в Поволжье *шиишигой* именуют существо, связанное с водой и напоминающее русалку; *шиишига*, как и *чиганашка*, часто упоминается в связи с запретом мыться в бане в ночное время [Власова 1998: 559–560]. О. А. Черепанова разъясняет: хотя лексикографические источники определяют значение слова *шиишига* как ‘чёрт, бес, нечистая сила’, текстовый и этнографиче-

ский материал показывает, что *шешига* – чаще женский персонаж, связанный прежде всего с водой или с баней [Черепанова 1983: 135]. К. Е. Корепова в своих комментариях к мифологическим рассказам пишет о том, что повсеместно в Нижегородском Поволжье русалку называют *водяной чертовкой* и *шешигой* [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 89]. Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приводят пояснения информантов о более позднем, современном использовании слова *русалка* по отношению к лексеме *шешига*: *Вот на речки вот шешыги, бывала, называли. А тут уж начали их, грит, «русалки» – шешыгафти.* Чумакино Инзен. (ТКУП 2: 450). В Симбирском Поволжье лексема *шешига* используется и в более обобщённом значении ‘нечисть, ведьма, чёрт’: *Родители што-та дитя ни слушаица: вот, мол, шешыга придёт, там или шчо каво памянут...* Новосурск Инзен. (там же: 420). Одно из наиболее частых употреблений слова *шешига* у современных диалектоносителей – в переносном значении в качестве ругательства: *Шешыга – эта ругалис’, чай «шешыга, вед’ма!» – чай ругалис’ ран’шы. Вот хто-нибут’ спаругаеца с бабай там или с кем: «Шешыга бы тибя взяла, мат’ тибя!» Вот эт уш вроди шешыга. Вед’ма, шешыга – и адно и то жэ чай. Ну ни най, чай эт самы лукавый и эт сама шешыга.* Кадышево Карсун. (там же: 611).

Другое наименование, отражающее бесовскую природу русалки, – *шутówka*: *Сидят – шутофки-те... Вот идёш када ночью в двенадцат’ часоф или ф три часа ночи, если кто баица, скажыт: «Ага, кто-та там – шутówka или там эта... на ваде шлёпат».* Палатово Инзен. (там же: 452). Название *шутówka* для русалок встречается во владимирских и костромских говорах [Дынин 2004: 114; Власова 1998: 566–567], таким образом, именование русалки *шутówкой* свидетельствует о миграционных потоках из Верхнего Поволжья (ТКУП 1: 118). В исследуемом регионе использование мифологемы «шут» расширилось и закрепилось не только по отношению к русалкам, но и применительно к домовому, ряженым, что является, по мнению В. И. Дынина, особенностью лексики «низшей демонологии» средневожского локального типа [Дынин 2004: 140–141, 145–146]. Это положение подтверждается полевыми данными по Симбирскому Поволжью, «где русалки называются *шутówками*, домовый – *шутом*, а кроме того, это название носит популярный персонаж весеннего ряженья» (ТКУП 1: 121).

В нарративах о русалках часто вообще не содержится прямого названия, только описательные обороты с указанием наиболее выразитель-

ных признаков: *Глидит: как дефка стаит, гола, и вот эта, гаврит, дефка, я как, гаврит, я хлопнул, ана рас в воду — и бол’шы иё нет.* Княжуха Сур. (ТКУП 2: 451).

Одним из распространенных в Поволжье сюжетов нарративов (быличек) являются рассказы о *летунах* – так называют «ходячих» покойников, которые являются к излишне тоскующим по ним родным, чаще всего – к женам, плачущим по умершим мужьям [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 143]. Летун обычно осознаётся информантами как бес, нечистая сила, принимающая обличье родного человека. Главная причина появления летуна и прихода покойника – излишняя тоска, плач, думы об умершем: *Ну, вот лятун литит, вроди таво, кто умрёт, таскуит, – вот лятун.* Коржевка Инзен. (ТКУП 1: 655–656). Наименование *летун* мотивировано способом передвижения нечистой силы – в виде летящего огненного шара с хвостом. «Постоянным качеством летающего является огненность, что в местных традициях закрепляется иногда терминологически» [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 144]. В связи с этим в быличках могут встречаться наименования *шар, огненный (огневой, огнястый, красный) шар*: *Как шар, он как с крыл’йими литит, такой агнястый этат шар литит.* Засарье Сур. (ТКУП 1: 656).

В настоящее время в Симбирском Поволжье лексема *летуны* в форме множественного числа часто используется в качестве бранной, как аналог словам *чёрты, бесы*: *Хазяйка: «Литуны! Да вы чаво эта тут принисли! Вы чаво делаити!»* Шеевшино Сур. (ТКУП 2: 110). Лексема *летун* зафиксирована в костромских говорах в значении ‘дух, прилетающий к вдовам по ночам’ (Ганцовская 2015: 193), в русских говорах Республики Мордовия в значении ‘чёрт, нечистая сила’ (СРГМ 1: 488; СГСС 1: 382).

Наименования людей со сверхъестественными свойствами

Данная группа лексем включает наименования людей со сверхъестественными способностями, для которых наиболее частотными являются номинации литературного характера *колдун (колдунья)* и *знахарь (знахарка)*. По данным диалектных записей, выявляются скорее отрицательные свойства по отношению к окружающим для колдуна и скорее положительные – для знахаря. Но в целом ситуация в Симбирском Поволжье не отличается от описанной И. И. Русиновой для Пермского края: «Мифологические тексты территории не дают оснований для строгого деления “знающих” людей, то есть тех, кто наделяется сверхъестественным знанием, на “добрых” и “злых”: например, в диалектных сло-

варях Пермского края в толковании таких единиц одновременно могут использоваться слова *колдун* и *знахарь*» [Русинова 2022: 115]. Всех этих людей со сверхъестественными свойствами объединяет сакральное знание, закрытое для большинства обычных людей. Лексемы данной группы именуют людей, которые применяют свое тайное знание как для причинения вреда магическим способом, так и для лечения и противодействия уже нанесенному магическим способом вреду. Сакральным знанием, по словам И. И. Русиновой, могут обладать весьма различные персонажи: «колдуны, знахари, “профессионалы” (пастух, охотник и т. п.), старые люди, обладающие богатым жизненным опытом и традиционными знаниями своих предков, разного рода чужаки» [там же: 116].

Колдуны, использующие свое знание для причинения вреда, как правило, обладают и другими сверхъестественными способностями, например, летать, превращаться в животных (как правило, в свинью, собаку, кошку, птицу), наводить морок на человека, дезориентировать его в пространстве. *А вот пра Ната-Маньку рассказывали, што ана дажэ летала. Ана магла ф каво хочеш превратица, в жывотных превращалас', ф свин'ю, например. У нас тятёк к ней пахажывал. И ана сделала так, штоб он дамой не хадил, а вот именна к ней. И адин рас он вот вокрук фсё ходит, а дамой зайти он не можэт.* Барановка Николаев.

Другие наименования людей со сверхъестественными способностями чаще всего представляют собой словообразовательные диалектизмы:

- *ведун, ведунья* ‘колдун, колдунья’ (*Которые на плохое – те калдун'ьи или ведун, а варажэя – бол'шэ к лечебному. А катора калдавала – эта ведун.* Барановка Николаев.), лексема приводится в (БАС 2: 112), где помечена как просторечная; в Симбирском Поволжье сближается с колдунами, то есть на шкале обладающих способностью *вредить* – *лечить* располагается ближе к полюсу вреда;

- *волхун, волхунья* ‘колдун, знахарь; колдунья, знахарка’: *Окала этава калоца сабираюцца такии вот нидобрыи. Ну, эта гаварили, вот эти валхуны-та литают, валхуны.* Княжуха Сур. (ТКУП 2: 468), словообразовательный диалектизм;

- *глазунья* ‘колдунья, причиняющая вред взглядом’ (*Она была страшная глазун'ья вот.* Красная Река Старомайн.), словообразовательный диалектизм, локальная лексема, образованная по продуктивной для слов с подобной семантикой модели;

- *витница* ‘человек, умеющий лечить воздействием рук’ (*А поправляла витница, руками поправляла, руку или ногу, вывих поправляла. Вот*

Илифор-баба, она поправляла фсё, если не рожала. Телятниково Николаев.) – заимствовано из мордовского, ср. мордовское эзя *витемс* 1) ‘выправить, выпрямить’, 2) ‘исправить’, 3) ‘починить’, 4) ‘расправить’, 5) ‘вправить’ (ЭРС: 137); *витнемс* – многокр. к *витемс*; также эзя *виде* 1) сущ. ‘правда’, 2) прил. ‘прямой, правильный’ (там же: 132); отметим, что в сёлах Николаевского р-на в сфере целительства наиболее употребительным является глагол *править* ‘воздействовать на человека руками в лечебных целях’, *поправлять* ‘вылечить при помощи воздействия руками’ (*Была у нас баб Дуня, у нас у Толика была апушение жэлутка, и ана ему падняла жэлудак. Ани правили, направляли, кагда апушение. Гаварили: править.* Барановка Николаев.);

- *ворожэц, ворожэя* ‘знахарь, целитель; знахарка, целительница; человек, обладающий способностью колдовать’ (*А ехат' нада к варожцу, старичку.* Красная Река Старомайн.; *Варажэя – ана па-разнаму: варажыт' можна – калдават', и варажыт' можна – лечит'.* Барановка Николаев.); спецификой использования этих лексем в Ульяновской области является преимущественное отношение к целительству при помощи применения особых знаний, ворожбы.

Зафиксировано несколько наименований людей, обладающих знаниями и сверхъестественными способностями в лечении людей, с акцентом на тот или иной мотивационный признак:

- *лекарка* ‘целительница, знахарка, применяющая знания для лечения людей’ (*Цэлител'ницу лекаркай зовут.* Красная Река Старомайн.);

- *травник, травница* ‘народный целитель, практикующий лечение травами’ (*Они её [дочь] и к травникам возили.* Красная Река Старомайн.);

- *чернокнижница* ‘целительница, знахарка, лечащая ворожбой’ (*Цэлитил'ницу лекаркай зовут, кто и чэрнокнижницэй зовёт.* Красная Река Старомайн.)

- *бабка, баушка* ‘опытная целительница, знахарка’: *Ну, тётя Зина – ана хороша баушка. Ана тол'ка людям дабра делала. Ана варажыла. Каво – сглазу, каво – карову. Вот эдак-та.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 285); *У каво там спинка забалела или чао, пайдут там к бапке какой-нибуть – к лекарке.* Княжуха Сур. (там же: 285) – номинация с акцентом на возраст и опытность, наиболее частотная лексема для обозначения целителей.

Глаголы с семантикой

применения сакральных знаний и сверхъестественных способностей

Значительную часть тематической группы «Мифологическая и магическая лексика» состав-

ляют глаголы, значения которых можно обобщить следующим образом: ‘обладать сакральными знаниями и сверхъестественными способностями и использовать их для оказания помощи или нанесения вреда окружающим’. Максимально обобщенным значением обладают глаголы:

– **умѣть** ‘обладать даром’: *Была тѣт’ Дуня, ана дажэ в бане, ана лечила чо-та вот бесплодие, умела вот.* Барановка Николаев., диалектное значение (СРНГ 47: 184);

– **знать** ‘обладать магическим даром’ *Калдун’я была. Значѣт, ана знат чаво-та.* Палатово Инзен. (ТКУП 1: 568), диалектное значение (СРНГ 11: 311).

Ряд глаголов передаёт использование сакральных знаний и умений во вред окружающим:

– **дѣлать, сдѣлать, надѣлать** ‘наводить (наводить) порчу, портить’: *Там двор. Там пришли што-та наделали: у нас ес’т’, кому делат’, и знаем кто.* Крестово-Городище Чердаклин.; *Она умет з’делат’. На смерт’ з’делана.* Большая Кандаля Старомайн., слово используется в диалектном значении, в СРНГ не зафиксировано;

– **пóртить, испóртить** ‘наводить (навести) порчу на кого-л’: *Могут испортит’, порчу навес’ти.* Большая Кандаля Старомайн. *Эта в Васил’йефки-та былá: и портила, и личила – фсѣ дѣлыла.* Пятино Карсун. (ТКУП 1: 285), диалектное значение, широко распространено в русских говорах (СРНГ 30: 93);

– **сѣдáть** ‘наводить порчу’: *Как тол’ка карова телилас’ где-та ва дваре, Полкан-Натал’ка шла и забирала што-та са двара, то ес’т’ камен’ паднимет, щепку паднимет, и абязатил’на ана сѣдала этава или телѣнка, или ягнѣнка, или парасѣнка, здыхал этак парасѣнак. У нас гаварили, что ана сѣдала, пра калдун’ю, эта как порчу навела.* Барановка Николаев., лексема используется в диалектном значении, которое хорошо известно южнорусским говорам (СРНГ 43: 107).

Другая группа глаголов передает использование сакральных знаний и умений для оказания помощи окружающим:

– **ворожѣть, поворожѣть** – в Симбирском Поволжье имеет основное значение – ‘лечить при помощи особых знаний, магических приёмов’: *Баба Зина личила. Варажыла. Ана очин’ намагала. К ней приижжали дажы с Дал’нива Востока.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 287);

– **пράвить (попράвить, поправлять)** ‘воздействовать на человека руками в лечебных целях’: *Бывает, жэница не ражала – прихадил к бабе Марусе в баню или к себе звали. Ана их направит, направит и радит. Жэлутики направляли, спину точно таг жэ.* Барановка Николаев.; в данном диалектном значении лексема фиксиру-

ются в южнорусских, севернорусских говорах, в Поволжье, на Урале и в Сибири (СРНГ 31: 57);

– лексемы **заговаривать** ‘лечить при помощи словесного воздействия (молитвами и заговорами)’ и **наговаривать (воду, масло, чай)** ‘придавать целебную силу путём словесного воздействия (молитвами и заговорами)’ являются общеупотребительными, приводятся в (БАС 4: 352; 7: 106);

– лексемы **отмывáть** ‘снимать сглаз при помощи молитвы, наговорѣнной на воду’ (*Тут и сами старухи атмывали такая, малитвай. Зделают вадичку, за ушами намажут, лоп намажут, папит’ дадут. Любой вадичкай, вот малитву прачитают и эта.* Коржевка Инзен.) и **отливáть** ‘снимать сглаз при помощи молитвы, наговорѣнной на воду’ (*Ана балеzni личила. Вот три раза пайдѣш: утрам три дня на два раза, утрам – вечерам, утрам – вечерам. Это ана, как гаварица, называца «отливания». Балеzn’ атливают как бутта, вот эта и правда. Чирис три дня бол’ эта праходит.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 289–290)) используются в диалектном значении, в СРНГ не зафиксированы.

Большая часть глаголов, обозначающих применение сакральных знаний и сверхъестественных способностей, представляют собой ограниченные определенными контекстами значения общеупотребительных лексем. «Значительная их часть является семантическими дериватами, пришедшими из иных тематических сфер, т. е. это слова, большей частью общерусские, употребляемые в мифологических значениях в определенных коммуникативных ситуациях – при описании магических практик» [Русинова 2022: 275].

Глаголы со значением магического превращения

Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приводят следующие номинации «оборачивания», то есть превращения колдунов в животных и предметы в Ульяновском Присурье: *сделаться, становиться, обернуться, оборачиваться, обращаться, обратиться, перевёртываться, кувыряться (перекувыриваться), перекатиться, перепрыгнуть (перепрыгивать), прыгать и переворачиваться, наряжаться.* (ТКУП 2: 191). По нашим данным, наиболее типичными лексемами для реализации значения ‘превратиться, принять иное обличие’ в Симбирском Поволжье являются глаголы **дѣлаться** (и производные, например, **сделаться**), **нарядиться** (**наряжаться**), **кувыряться** и другие глаголы с исходной семантикой переворачивания, как правило, имеющие в своем составе приставку *пере-*: **перевернуться** (**переворачи-**

ваться), перекачаться, перекувырнуться. Мотив преворачивания символизирует обряд перехода из одного состояния в другое, из одного мира («этого света») в другой (потусторонний), что перекликается с действиями по преворачиванию предметов, одежды для того, чтобы запутать представителей потустороннего мира (лешего, «ходячего покойника», беса). Как правило, объект превращения используется в форме творительного падежа: *наряжаться кошкой, перекачаться свиньей*.

Е. В. Сафронов и И. А. Морозов обращают внимание на использование глагола *наряжаться* для обозначения процесса превращения: «В Присурье оборачивание и обрядовое ряжение обозначались одним и тем же термином «наряжаться»: «Колдуны наряжаются лошадью», то есть «оборачиваются лошадью» (ТКУП 1: 121). Как отмечают авторы, рассказы об оборотнях часто пересекаются с описанием реальных случаев ряженья. В то же время ряженные на святочных гуляньях (их называли *святками*, *святóшниками*, *русалками*) часто наряжались цыганом и цыганкой, татаринном и татаркой, мордовкой либо надевали на себя вывернутые наружу шубы, шапки, тулупы, рваную одежду, «оборачиваясь» «пужалой» (чучелом), «чертом», «стариком», «лошадью», «медведем», страшным «буканом» (ТКУП 2: 105). Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» пишут: «Маркером средневолжской и, шире – поволжской традиции, можно считать оборачивание в кошку или свинью, зафиксированное в наших записях» (ТКУП 1: 121). Зафиксированы следующие глаголы со значением магического превращения:

– *нарядиться, наряжаться* (кем-л.): *Эт колдуны. Адна нарижалас' свин'йей, што ли? Свин'йей нарижалас'. Ночью нарижалис' ани. Када, им, наверна, требуваца. Вот жэнишина адна кошкой нарижалас', тут вот, где мы жыли*. Кадышево Карсун. (там же: 575);

– *дэлатся, сдэлатся* (кем-л.): *Ну вот у ней мат'-та была колдун'йя. Вот сдельица тилёнкам или ицё чиво, или свин'йей сдельица*. Сухой Карсун Карсун. (ТКУП 2: 191);

– *кувыркатся*: *Ани какой-та заговор гаварят и – кувёркуюца. Да, и приврацаюца вот в эту в свин'йю или ва што-та. Такии вот вещи*. Потьма Карсун. (ТКУП 2: 196);

– *перекувырнуться* (кем-л.): *Вот дванацат' рас чириз нажы пирикувыркнуца чем ты – на чаво вьражыш. <...> Дельица он и ходит ноч-та, и ходит*. Тяпино Инзен. (ТКУП 2: 196);

– *преворачиваться*: *Пириварачиваюца чириз дванацат', грит, нажэй. Да, лезвиим так вверх, наверна*. Потьма Карсун. (ТКУП 2: 196);

– *перекачаться* (кем-л.): *Как-та ана умела чириз дванацат' нажэй – пирикувыркнёца, пирика́тица свин'йей. Калдывала чорнай магией*. Белый Ключ Сур. (ТКУП 2: 195).

Как и предыдущая группа слов, глаголы магического превращения представляют собой обусловленные определенной коммуникативной ситуацией диалектные значения общеупотребительных лексем.

Наименования результатов магического воздействия и состояний, излечиваемых таким воздействием

В числе результатов вредоносного магического воздействия, а также состояний (заболеваний), излечиваемых при помощи такого воздействия, нашедших отражение в лексических единицах, можно назвать общее недомогание, тяжелое состояние, названия конкретных болезней, причиненных колдунами, а также названия болезней, возникших как естественным путем, так и в результате колдовства:

– *испуг* ‘болезнь от сильного страха, испуга’: *От испуга, испугаца – тожэ лечыли, да, заговаривали*. Большая Кандаля Старомайн., лексема есть в (СРНГ 12: 249) с пометами Енис., Смол.;

– *крик* ‘громкий, непрерывный, болезненный плач ребёнка’: *И крик лечыла, тожэ выходила на зарю, лечыла. Ходили к ней вот, к матери*. Старая Майна Старомайн., лексема употребительна в Поволжье (СРНГ 15: 254);

– *дурнота* ‘плохое самочувствие’, *позевота* ‘зевота’: *Пзевота бывает ат зглаза, и дурнота, и пзевота*. Крестово-Городище Чердаклин.;

– *притка* ‘по суеверным представлениям – внезапная болезнь, которая могла быть вызвана колдовством, сглазом’: *Если напугасса как-та чово-та, потом мот где упала ты, чово вот там с тобой ззелалас' чово-та, эта вот вылечывают тожэ ес' эта, притки называлис', каке-та притки. Вот она сохнет, не ест ничово, чо такое*. Красная Река Старомайн., интердиалектная лексема;

– *ки́ла* ‘опухоль, грыжа’ *У нево между нок килы появились'. Я гыт тол'ка где не был, по врачам хвалыстал да хвалыстал, фсё, я уш, гыт, бол'шэ перестал ходит', ноги не идут*. Телятниково Николаев., интердиалектная лексема с варьированием семантики, как правило, обозначающая болезнь, вызванную колдовством;

– *ро́жа* ‘болезнь кожи’: *Рожэ? Рожэ эт на ноге, тожэ заговаривала*. Большая Кандаля Старомайн.

К этой группе существительных примыкают слова других частей речи, обозначающие результат магического воздействия:

– *сделалось* (безл.): ‘о плохом самочувствии, возникшем в результате сглаза, наведения порчи’: *А вот к старухе-ть повели, она сказала: «С тобой з’делалас’»*. Красная Река Старомайн.;

– *оратый* ‘испорченный в результате магического воздействия’: *А сосетка бапка наша, она тожэ кое-чо умела. Пришла я, гъворю так и так, она гъворит: «Хватит оратых таскат’ короф-та, иди сйезди в Милзавот, зайди ф сарай, где корова». Она гъворит: «По трём местам ты тол’ка воз’ми соринки, навос, и скажы: я забираю своё, забираю своё, и принеси домой сюда – ты меня позовёи»*. Телятниково Николаев., локальная лексема.

Большая часть наименований результатов магического воздействия в диалектной среде являются широко известными лексемами с присущей диалектным лексемам варьированием в семантическом наполнении (*кила, притка, дурнота*). Лексемы *крик, испуг* в указанных значениях являются диалектными, но скорее всего распространены шире, чем это обозначено в диалектных словарях. Лексема *оратый* является локальной.

Наименования каналов магического воздействия

В данной группе лексем зафиксированы следующие:

– *относ* ‘вещь, предназначенная для того, чтобы отвести от её хозяина болезнь или порчу’: *А на перекрёстке лежыт варешка, не наша, она пьдняла, два месяца потом чир’йями мучылас. Этъ называлса относ: нагъворят-нагъворят там чэво-та как-ть вот, умели фсё, на перекрёстак, нада обязатил’на на перекрёстак*. Большая Кандаля Старомайн., диалектная лексема, фиксируется в разных говорах, в СРНГ с пометами Сарат., Смол., Пск (СРНГ 24: 250);

– *подклад* ‘вещь, предмет, подброшенный человеку для магического воздействия на него’: *Для порчи бывает патклад делают, не нада ево трогат’: ямку выкапал и в землю, пус’т’ в земле*. Барановка Николаев., диалектная лексема, в СРНГ приводится с пометой Смол. (СРНГ 28: 31).

Обе лексемы (*относ, подклад*) мотивированы соответствующими глаголами, их внутренняя форма прозрачна, скорее всего, лексемы встречаются шире, чем это представлено в словарях.

Выводы

Итак, мифологическая и магическая лексика частично уходит из языка, сохраняясь лишь в традиционных произведениях фольклора, в бранном или переносном употреблении. В Симбирском Поволжье зафиксированы локальные и региональные традиции функционирования и этнокультурного наполнения наименований ми-

фологических персонажей. В различных подгруппах отмечены лексемы регионального распространения (*бабай, татарин, буканка*) и локального характера (*бабоськи, чиганашки, самошка, оратый*). Диалектная лексема *домове-душка* является региональным маркером для домового, а использование форм с суффиксами *-ушк/-юшк-* (*дедушко-домовеюшко*) объединяет Среднее Поволжье с более обширным северо-восточным ареалом. В селах Николаевского района с выраженным мордовским субстратом отмечена лексема *баня-ведун* с субстратной структурой. В Симбирском Поволжье используются диалектные наименования русалок, отражающие их бесовскую природу: *чиганашка, шииши-га*. Функция «ходячих» покойников в изучаемом регионе реализована в демоническом персонаже с наименованием *летун*. Также отмечены региональные наименования существ демонического характера с корнем *шут-* (*шутовка* ‘русалка, ведьма’, *шутушка* ‘домовой’). В группе наименований людей со сверхъестественными способностями выделяются названия тех, кто использует свои знания во вред окружающим, – имена с суффиксом *-ун/-ун(я)* (*колдун, колдунья, ведун, ведунья, волхун, волхунья, глазунья*) – и названия людей, чаще применяющих свои знания для лечения (*ворожец, ворожея, баушка, бабка, травница, лекарка*). Зафиксирована локальная лексема *витница*, которая, вероятно, появилась под влиянием мордовского (эрзя) языка.

Список сокращений районов Ульяновской области

Инзен. – Инзенский район
Карсун. – Карсунский район
Мелекес. – Мелекесский район
Николаев. – Николаевский район
Старомайн. – Старомайнский район
Сур. – Сурский район
Чердаклин. – Чердаклинский район

Источники

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. / под ред. В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. М.–Л., 1948–1965.

Кондаков В. А. Слово русское, родное: народные слова и выражения жителей деревни Подсосенье и прилегающих селений Верховажского района Вологодской области / под ред. Э. Л. Трикоз. 2-е изд., испр. и доп. Вологда: Киселев А. В., 2022. 344 с.

Мишнев С. М. Памятники русского диалектного слова. Тарногский говор. Тарногский городок; Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи.

Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 512 с.

СГСС – Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия в 2 ч. / авт.-сост.: А. И. Витов и др., под общ. ред. Э. Н. Акимовой. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2022. 524 с.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II. СПб.: Наука, 2013.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2021.

ТКУП – Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. В 2 т. / колл. авт. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. М.: Индрик, 2012.

ТРС – Татарско-русский словарь: в 2 т. Т. 1 (А–Л). Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова и др. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.

Список литературы

Белова О. В. Цыган // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 493–497.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 431 с.

Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-Классика, 1998. 669 с.

Гранова М. А. Названия духа-«хозяина» дома, используемые в вокативной функции (по данным мифологических текстов Пермского края) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 173–194.

Десяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. 3-е изд., испр. и доп. Саранск: Красный Октябрь, 2007. 332 с.

Дынин В. И. Народные верования русских Европейской части России XIX–XX веков: сравнительно-географическое исследование. Воронеж: Истоки, 2004. 228 с.

Дынин В. И. О номенклатуре русских мифологических персонажей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 96–100.

Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики. М.: Центриздат, 1931. 241 с.

Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 48 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор ком. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007. 495 с.

Русинова И. И. Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2022. 640 с.

Трушкина Н. Ю. Русалки и подобные им в традиционной культуре Ульяновской области // Живая старина. 2003. № 1. С. 45–46.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т: Объед. гуманитарное изд-во, 2010. 432 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 435 с.

References

Belova O. V. A gypsy. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 493–497. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Folk Demonology and Mythological-Ritual Traditions of the Slavs*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 431 p. (In Russ.)

Vlasova M. N. *Russian Superstitions. An Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 1998. 669 p. (In Russ.)

Granova M. A. Names of the spirit-“master” of the house used in the vocative function (according to the mythological texts of the Perm region). In *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2020*. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, IWL RAS Publ., 2020, pp. 173–194. (In Russ.)

Devyatkina T. P. *Mordvin Mythology: An Encyclopedia*. 3rd ed. Saransk, Krasnyy Oktyabr' Publ., 2007. 332 p. (In Russ.)

Dynin V. I. *Folk Beliefs of Russians in the European Part of Russia in the 19th–20th Centuries: A Comparative Geographical Study*. Voronezh, Istoki Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)

Dynin V. I. On the nomenclature of Russian mythological characters. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2012, issue 1, pp. 96–100. (In Russ.)

Evsev'ev M. E. *The Basics of Mordovian Grammar*. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. 241 p. (In Russ.)

Krinichnaya N. A. *Russian Mythology. The World of Folklore Images*. Moscow, Akademicheskiiy proekt: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. *East Slavic mythological text: Semantics, dialectology, pragmatics*. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2007. 48 p. (In Russ.)

Mythological Stories and Legends of the Russian North. Comp. and comm. by O. A. Cherepanova. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1996. 212 p. (In Russ.)

Mythological Stories and Beliefs of the Nizhny-Novgorod area of the Volga Region. Comp. by K. E. Korepova, N. B. Khramova, Yu. M. Shevarenkova. St. Petersburg, 2007. 495 p. (In Russ.)

Rusinova I. I. *The vocabulary of witchcraft and sorcery in Russian mythological texts as a distinct ideographic sphere: A comprehensive study*. Dr. philol. sci. diss. Perm, 2022. 640 p. (In Russ.)

Trushkina N. Yu. Mermaids and their ilk in the traditional culture of the Ulyanovsk region. *Living Antiquity*, 2003, issue 1, pp. 45–46. (In Russ.)

Khristoforova O. B. *Sorcerers and Victims: The Anthropology of Witchcraft in Modern Russia*. Moscow, Russian State University of the Humanities, 2010. 432 p. (In Russ.)

Cherepanova O. A. *Mythological Lexicon of the Russian North*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1983. 435 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мызникова Янина Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9

janinam@mail.ru

SPIN-код: 5287-5976

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>

ResearcherID: C-2422-2016

Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена
после рецензирования 22.11.2025; принята к публи-
кации 14.01.2026

Information about the author

Yanina V. Myznikova

Associate Professor in the Department
of Russian Language
St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya Embankment,
St. Petersburg, 199034, Russia

janinam@mail.ru

SPIN-code: 5287-5976

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>

ResearcherID: C-2422-2016

Submitted 05 Oct 2025; revised 22 Nov 2025; accepted
14 Jan 2026